

Н. Е. НИКОНОВА
(Национальный исследовательский
Томский государственный университет)

**РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ ПОЗДНЕГО
В. А. ЖУКОВСКОГО¹**

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), первый русский романтик и предвестник «золотого века» русской литературы, поэт, открывший стихотворный перевод как тип русско-зарубежных культурных контактов, на протяжении более чем 30 лет выступал в роли придворного наставника, воспитателя трех поколений царской фамилии Романовых, как в России, так и за ее пределами. Жуковский сыграл основополагающую роль в становлении коммуникативной системы дружеских литературных сообществ первой половины XIX века и развитии ее институтов (института авторства, каналов связи с институтами власти, цензуры, книгоиздания и журналистики).

В. А. Жуковский живо откликнулся на события Великой французской революции 1789–1794 гг., стал свидетелем восстания декабристов 14 (26) декабря 1825 г., но ярче всего в его творческой биографии и в его сочинениях отразились происшествия, охватившие Европу в 1848 г. По замечанию А. С. Янушкевича, в юности «французская революция для него с точки зрения своего исторического значения имела ценность как факт человеческой цивилизации, как источник развития просвещения» [Янушкевич 2006: 272]. Понимание революции Жуковским — педагогом, поэтом и историком получает историософское дополнение в 1840-е гг., когда образ революции становится мерилom и эталоном для проверки национальной идеи. И хотя о Жуковском принято говорить как об идеологе николаевского царствования, его поздние статьи имеют важное значение не только для конструирования русской национальной идеи. Не менее полно в поздних произведениях и статьях раскрываются образы Англии, Франции и Германии. Революция 1848 г. выступает импульсом для культуртрегерства поэта, который провел последние 12 лет своей жизни в Германии.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00113).

Из эпистолярных свидетельств известно о том, что в немецком варианте Жуковским были подготовлены аналоги прозаических сочинений 1848–1850 гг., имеющих в русском варианте заглавия: «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку», «Письмо к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”», «Письмо русского из Франкфурта», «Русская и английская политика», «Иосиф Радовиц. Биографический очерк», «По поводу нападок немецкой прессы на Россию». На сегодняшний день обнаружить в немецкой печати удалось три публикации автопереводов В. А. Жуковского: 1) Deutschland. Vom Main, den 22. August // Beilage zu № 52 der Neuen Preußischen Zeitung. Mittwoch, den 30. August 1848. S. 1–2; 2) Englische und russische Politik // Beilage zur Allgemeinen Zeitung (Приложение к Всеобщей газете). 1850. № 92. S. 1466—1468; 3) Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat. Karlsruhe: W. Kasper'sche Buchdruckerei, 1850. 50 S. На материале этих текстов, а также хранящихся в архиве супруги Жуковского рукописей представляется возможным исследовать образы революции, которые являются конститутивными для поздней прозы автора.

Статья «Deutschland. Vom Main, den 22. August» развивает идиллические мирозидательные промонархические настроения, связывающие русскую, прусскую и австрийскую монархию, и представляет вольный перевод первых двух частей конечного варианта сочинения Жуковского «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку» (1848) с сокращениями. Четкая двухчастная структура немецкой первопубликации, из которой исключены антирусофобские рассуждения, фактически превращает ее в диалог историй о представителях великих монархий русского и немецкого мира, сакрализованное сопоставление родственных держав, Германии (в лице Пруссии и Австрии) и России. Революция в печатной заметке Жуковского описывается как досадное недоразумение, которое можно было и следовало предотвратить: «Einige Tage früher — und Alles, was Deutschland so lange erstrebte und was es jetzt im Wege des Aufbruchs an sich riss, verunstaltet durch die verderbliche Hand der Volkswillkür, würde der Nation gegeben worden sein durch die erhaltende Hand der gesetzmäßigen Autorität, ohne die durch Jahrhunderte gegründeten Rechte zu verletzen, mit Beseitigung jeder auch für die oberste Macht verderblichen Willkür, aber auch ohne jene Autorität durch die Willkür des Pöbels zu ersetzen, welche für lange Zeit das öffentliche Wohl vernichtet hat und die menschliche Gesellschaft zu vernichten droht» [Zhukovskij 1848: 1].

Отречение великого князя Константина Павловича предстает «примером пожертвования власти из одной любви к правде и долгу» [Жуковский 2016: 421], «das Aufgeben einer Gewalt (und welcher einer Gewalt!) vollbracht ohne Schatten von selbstischen Absichten, aus reiner Ehrfurcht vor der Heiligkeit des Rechts» [Zhukovskij 1848: 1].

Очевидную параллель составляет отказ от трона Фридриха Вильгельма IV, который выступает самоотверженным, искренним, бескорыстным правителем, «der Beste und Edelste der Fürsten». Немецкая статья оканчивается символическим рукопожатием эрцгерцога Иоанна Австрийского и Фридриха Вильгельма IV у стен Кельнского собора: «hierauf gab Friedrich Wilhelm IV. Seine Hand dem Erzherzog Johann von Oestreich: Er wird fortbauen und vollenden, nicht aber zerstören und zu verbauen, den heiligen Tempel Germaniens» [Zhukovskij 1848: 1].

Жуковский выражает таким образом свою убежденность в том, что консолидация европейских монархий способна успешно противостоять революции, и отречения монарших особ видятся ему не более чем временным отклонением от курса, о котором подданным судить не подобает. Однако сохранившийся в архиве РГБ «Отрывок заметки об историческом значении для Германии деятельности Фридриха Вильгельма IV и революции 1848 г.» [Ibid.: 2] свидетельствует о том, что авторизованный перевод письма о происшествиях 1848 г. имел свое продолжение. Так, последние три распространенных периода немецких сочинений не находят аналогий ни в одной из частей оригинала. В этом фрагменте говорится о долге монархов перед подданными, который они накопили за годы, не утруждая себя его своевременным погашением. В этом Жуковский видит причины революционного движения. Поскольку этот текст ранее не публиковался, приведем его полностью:

Im Gegenteil, was hat dieses Ungeheuer des Aufrufes, alles zerstörend, hervorgebracht? Es wurde immer wiederholt: „wir haben 33 Jahre geduldet; das Versprochene ist unerfüllt geblieben; wir waren verspottet; unsere Bitten waren mit Verachtung verworfen“.

Zum Unglück sind diese Vorwürfe gegründet: die Fürsten sind Schuldner ihrer Völker geblieben, ihr Zaudern hat noch und noch einen allgemeinen Unwillen erregt, welches eine Sache in immer allgemeinen Aufstand ausbrach; hätten sie allmählich die Interessen mit einem Teil des Kapitals in bestimmten Terminen begehrt, es wäre jetzt kein Schuldner, und kein Gläubiger da, Reiche wären reich geblieben, jetzt aber sind Reiche zu Grunde gerichtet.

Dies zugegeben, wird man berichtigt andererseits zu fragen: wenn die Fürsten Schuldner geblieben sind die Völker schuldenfrei gewesen?

Waren sie immer gerecht und mäßig in ihren Forderungen? Und die auführerischen Mitteln... [Zhukovskij 1848, л. 2–2 об.].

На этих словах текст обрывается, однако сохранившийся автограф все же позволяет увидеть в лице Жуковского-автора не только мистически настроенного придворного поэта-романтика, но современника революций, критически воспринимающего причины происходящего. По-немецки он выражает свою рефлекссию по поводу революции более смело, размышляет о виновных, разделяя социально-историческую вину в равной степени между народами и их

правителями. В последующих немецких очерках сама идея революции обретает имагологическое значение.

Статья Жуковского «*Englische und russische Politik*» посвящена сопоставлению России, Англии и Германии. Образ революции здесь выступает в качестве индикатора при определении исторического пути государства и основы для нациестроительной идеи. В случае с Англией ориентиром, согласно мысли автора, выступает Английская буржуазная революция 1643–1651 гг., которая представляла собой процесс перехода к конституционной монархии от абсолютной, охвативший все сферы общественно-политической, религиозной и культурной жизни Соединенного Королевства. В своих рассуждениях он опирается на известнейшие труды, созданные Томасом Бабингтоном Маколеем (1800–1859) и заложившие основы прочтения национальной истории Англии: «*Vor kurzem las ich die Geschichte der englischen Revolution von Macaulay, und es erfüllte mich diese Lektüre mit tiefer Ehrfurcht vor einem Volke², das eine solche Geschichte, solche Geschichtschreiber und ein so wohlgeordnetes politisches Leben hat*» [Zhukovskij 1850a: 1466].

По Жуковскому, своей репутацией и могуществом Англия обязана кроме прочего и революции, которая хотя и предстает как «дикий период потрясений», но все же порождает главные богатства англичан: «чудную историю», «гражданственность», «величественную свободу» («*herrliche Geschichte, seine Zivilisation, seine erhabene Freiheit, seine Macht*»). «великую степень земного могущества» («*oberste Stufe irdischer Größe*»). Однако все эти дифирамбы в адрес Англии необходимы лишь для усиления противопоставления великой истории страны и ее бесславного, по мнению автора, поведения в современности. На противоположном полюсе величия и славы стоит нынешний правитель умов лорд и министр Пальмерстон и его политика в охваченной революционными волнениями Европе: «*in welchem Lande Europa's das der Aufruhr heimsuchte, wurden die blutbedeckten Straßenhelden nicht durch englisches Geld belohnt? War es nicht dieser Minister der die Schweiz erst in den Abgrund des Radikalismus stürzte, um dann daraus eine Werkstätte der Entsittlichung und des Aufruhrs zu schaffen, der Europa nicht mehr frei aufatmen lässt? Hat er nicht dem Räuber Kossuth die Hand gereicht und, noch laut gegen angebliche ungerechte Unterdrückung eisernd, allen Menschen- und Völkerrechten zum Hohn, schon seinen gewissenlosen Überfall Griechenlandes bereitet? Das Herz wallt über von Unwille und Entrüstung, von Unwille gegen die große Nation, die einen so schmählichen Missbrauch ihrer Macht duldet*» [Ibid.: 1467].

Миссия, которую способна исполнить британская держава, по Жуковскому, заключается в примирении и успокоении революци-

²Здесь и далее выделение полужирным в цитатах из немецких текстов В. А. Жуковского принадлежит нам. — Н. Н.

онных процессов. Англия имеет шанс спасти мир и свою репутацию, заменив своего министра, финальное увещание автора гласит: «England wird die Zensur über seinen Minister üben, und der Welt die Beruhigung gewahren die Moral in seiner Politik gerettet zu haben» [Zhukovskij 1850a: 1468].

В заметке о русской и английской политике, адресованной немецкоязычному читателю, Жуковский пытается донести мысль об ошибочном представлении о враждебности неревolutionной России по отношению к прогрессивной Европе, и в частности к Германии. Избегая прямых прорусских мотивов, он, говоря о намеренной демонизации в немецкой прессе образа России и ее захватнических намерений, лишь однажды употребляет яркую метафору, пожалуй актуальную доньше: «Solche Ansicht, wenn einmal zum Vorurteil erhärtet, ist dann meist bis zur Dummheit eigensinnig; ich möchte sie, gestatten Sie mir das Bild, mit dem Hahn vergleichen dem man den Kopf auf die Erde drückt, mit Kreide einen weit fortlaufenden Strich über den Schnabel zieht, und der, im Glauben er sei angebunden, so lange ruhig liegen bleibt, bis ein guter Fußtritt ihn eines Bessern belehrt; **so liegt noch mancher deutsche Hahn unbeweglich vor seinem Kreidestrich der nach Russland weist, vielleicht bis ein englischer Fußtritt ihn aufscheucht. Liebt es Lord Palmerston nicht solche Fußtritte auszuteilen?**» [Ibid.: 1467].

Германии посвящен самый обширный очерк Жуковского, где спасительной фигурой выступает Йозеф фон Радовиц, своего рода романтический рыцарь, несущий идею калокагатии. Имя прусского министра, генерала, ученого и придворного наставника, в самом эссе выступает в качестве символа искомой этнонациональной идентичности немецкого мира. Объектом подробного анализа является не столько путь Радовица, сколько революционные события, их причины и последствия.

Кратко намечая историю революции во Франции, Жуковский концентрируется на выявлении тех оснований, которые привели к революции в Германии. Известные исторические социально-политические события, которые пережили немецкие государства («энтузиазм, пробудивший Германскую национальность в войне с Наполеоном, учреждение Германского Союза и появление в Германии конституции по образу и подобию Французской»), воспринимается Жуковским как фальшивое удовлетворение революционному духу, не давшее законной свободы, а только узаконившее дух буйства: «die Wirkung von allem diesem war einerseits die allmähliche Vernichtung der moralischen Kraft der Regierung und andererseits die Entfesselung der Kraft des Aufruhr-Geistes, welche endlich alles untergrub, **was die Stütze bürgerlicher Ordnung bildet: Religion, Autorität, Verehrung der Pflicht, öffentliche und persönliche Gerechtigkeit.** In solchem Zustande war Deutschland bei dem verhängnisvollem Ausbruch der Februarrevolution» [Ibid.: 32].

Второй причиной революции является поведение правителей: «da geschah etwas nie Geschehenes: **die Fürsten Deutschlands unterwarfen sich unbedingt einem kleinen Haufen improvisierter Reformatoren**, welche sich als Abgeordnete des deutschen Volkes proklamierten». В результате Германия оказалась «на грани уничтожения»: «**Deutschland**, entkräftet, schon vom Blute des Bürgerkriegs befleckt, **steht jetzt am Rande des Verderbens**» [Zhukovskij 1850b: 28].

Как и в случае с Англией, Жуковский предлагает Германии обрести свой путь, ответив на вопрос «Что же надлежит делать?». Автор доказывает, что целью правительств должно быть единство Германии, которое возможно обрести, уничтожив революцию, в которой кроется корень всех зол: «Man muss die geschehene Revolution abschließen, ohne eine neue hervorzurufen, das heißt, eine wohltätige Reform schaffen, um die Anarchie, durch die Aneignung des Guten, welches in ihren gesetzlosen Errungenschaften verborgen liegt, zu überwinden» [Ibid.: 38]; «Die Folgen sind vor unsern Augen: die Revolution konnte nichts als Zerstörung hervorbringen» [Ibid.: 41].

Умертвить революцию, по мнению Жуковского, способно только возрождение «народной любви» к монархической власти, поскольку ее мирозидательная сила может противостоять разрушительной энергии анархии. Интересным представляется имагологическое наблюдение автора, соотносящего народы России, Англии и Германии, на основании определения специфического наполнения этой любви подданных к своим правителям: «Die Einheit Deutschlands ist schon dadurch dringende Notwendigkeit geworden, weil nur durch sie allein es möglich ist, die beinahe überall erstorbene **Liebe der Völker zu ihren regierenden Dynastien wieder ins Leben zu rufen**. Wenn man die nichtdeutschen Staaten betrachtet, so findet man, dass diese Liebe **nur in Russland und in England zu ihrer ganzen Integrität erhalten ist: in Russland ist die Geschichte und Religion, in England ist sie Geschichte und Gesetzlichkeit. In Deutschland lebt sie noch kräftig** — obgleich erschüttert durch die letzten Ereignisse — nur in Preußen und Österreich» [Ibid.: 43].

О судьбе Франции в том же имагологическом ключе Жуковский высказался в своем последнем завершённом стихотворении «Четыре сына Франции» (1852), переводе поэтического сочинения юной Элизабет фон Цедлиц-Трюцшлер (Elisabeth von Zedlitz und Trützschler, род. в 1826). Образ революции в реконструкции этапов шестидесятилетнего исторического пути народа и государства (строфы озаглавлены с помощью дат — «1789», «1812», «1830», «1848», «18...») играет ту же конститутивную роль. Франция, как виновница накликаемых «На все страны волнений, // Кровавых сеч и зол» [Жуковский 2000: 345], в отличие от Германии, Англии и России, не имеет светлого исторического будущего ни при каких условиях, поскольку яд «цареубийства», «безверия» и «разврата» вскоре окончит фарс. Многочисленные бунты, восстания революции в изо-

бражении Жуковского появляются в образе «кровавого, страшного призрака». Надежда для Франции может находиться только в христианском покаянии, принятии «спасенья чаши».

Перевод Жуковского отличается от оригинала важнейший структурно-композиционный момент: культурно-историческое движение французской нации в изображении Е. Цедлиц имеет циклическую закономерность, монархи в немецком стихотворении сменяют друг друга, не понимая и не принимая своих предшественников, не имея благочестивой мудрости, а потому гибнут один за другим, в сопровождении одинаковых возгласов слепого народа. В переводе Жуковского путь Франции, несмотря на повторяемость трагических событий, конечен и линеен именно из-за революции. Поэтому в череду монархов включаются «кровавые призраки» французских революций, а концептуализируется действие французской истории в образе близящегося к финалу театрального представления [Никонова 2017а].

Таким образом, устремления позднего Жуковского — автора немецких публицистических и историософских очерков направлены на концептуализацию этнонациональной субъектности. Национально-моделирование через посредство отношения народа и его правителей к революции становится связующим, сквозным сюжетом его прозы. Революция осмысливается как анархическое начало и противопоставляется монархии как залого эволюции и межнационального единства.

Имагологический дискурс немецкого Жуковского доступен для адекватной трактовки, будучи погруженным в аутентичный лингвокультурный, литературный и историко-политический контекст революционных событий в Европе конца 1840-х – начала 1850-х гг. Немецкоязычное наследие Жуковского (более 20 произведений) готовится к научному изданию в 2018 г. [Никонова 2017б].

Литература

- Жуковский 2000 — *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Вётшева, Э. М. Жилыкова, Ф. З. Канунова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Е. Разумова, Н. Б. Реморова, Н. В. Серебренников, А. С. Янушкевич (гл. редактор). Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. / Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2000.
- Жуковский 2016 — *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жилыкова, В. С. Киселёв, О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, И. А. Поплавская, А. С. Янушкевич (гл. редактор). Т. 11: Проза 1810–1840-х гг. / Ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2016.

- Никонова 2017a — *Никонова Н. Е.* «Die Söhne Frankreichs» графини Э. Цедлиц-Трюцшлер в переводах В. А. Жуковского и Д. П. Ознобишина // *Жуковский: Исследования и материалы.* Вып. 3 / Гл. ред. А. С. Янушкевич. Томск, 2017. С. 182–199.
- Никонова 2017б — *Никонова Н. Е.* Собрание немецких сочинений и автопереводов В. А. Жуковского: принципы научного издания *texte en regard* и его место в эдиционной истории наследия поэта // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* № 48. 2017. С. 181–193.
- Янушкевич 2006 — *Янушкевич А. С.* В мире Жуковского. М., 2006.
- Zhukovskij 1848 — [*Zhukovskij V. A.*] Deutschland. Vom Main, den 22. August // *Beilage zu № 52 der Neuen Preußischen Zeitung.* Mittwoch, den 30. August 1848. S. 1–2.
- Zhukovskij 1850a — [*Zhukovskij V. A.*] Englische und russische Politik // *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* (Приложение к Всеобщей газете). 1850. № 92. S. 1466–1468.
- Zhukovskij 1850b — [*Zhukovskij V. A.*] Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat. Karlsruhe: W. Kasper'sche Buchdruckerei, 1850. 50 S.
- Zhukovskij — [*Zhukovskij V. A.*] Отрывок заметки об историческом значении для Германии деятельности Фридриха Вильгельма IV и революции 1848 г. (на немецком языке) // РГБ. Оп. 104. Жук. I.3.

ZUSAMMENFASSUNG

(R)Evolution in der späteren deutschsprachigen Prosa von V. A. Žukovskij

Im Artikel werden die in deutschen Periodika zwischen 1848 und 1850 veröffentlichten Aufsätze des russischen Dichters, Erziehers der Zarenfamilie, Übersetzers und Kulturvermittlers Vasilij Andrejevič Žukovskij (1783–1852) erstmals integrativ behandelt. Drei deutsche Selbstübersetzungen, die zum jetzigen Zeitpunkt identifiziert sind, entwickeln eine originelle Geschichtsphilosophie des Autors sowie seine Gedanken über Revolution und Monarchie als Substanzen, die den Weg für die Völker Großbritanniens, Deutschlands, Frankreichs und Russlands bestimmen. Es wird ein bisher unbekanntes Fragment aus der Handschrift des ersten selbstübersetzten Aufsatzes „Über die Vorkommnisse aus 1848“ veröffentlicht, das die reiflichen Überlegungen über die sozial-historische Verantwortung der Völker und ihrer „Fürsten“ für ihre Revolutionen enthält.